

РИНА БЕЖ

Случайная **МАМА**

Чудо под Новый год

Рина Беж

Случайная мама.

Чудо под Новый год

<https://litres.ru/74206888>

Аннотация

– Саша, дьявол криворукый, я больше не могу ждать, суй скорее, – бьет по перепонкам женский голос. – Черт подери, Мила! Не видишь я стараюсь, но он не лезет! – рычит мужской. – Да вы охренели, товарищи! – вплетаю в диалог свой третий. ***** Я планировала развестись в декабре и вступить в новый год свободной и счастливой женщиной. Кто ж знал, что счастье я обрету не в свободе, а в семье. Новой правильной семье, где стану мамой одной очаровательной малышки и женой одного вредного адвоката, которому, прежде чем сказать «да», хорошенько пощечочу нервишки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	70
Глава 12	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

– Саша, дьявол криворукий, я больше не могу ждать, суй скорее, – бьет по перепонкам женский голос.
– Черт подери, Мила! Не видишь я стараюсь, но он не лезет! – рычит мужской.
– Да вы охренели, товарищи! – вплетаю в диалог свой третий.

Я планировала развестись в декабре и вступить в новый год свободной и счастливой женщиной. Кто ж знал, что счастье я обрету не в свободе, а в семье.
Новой правильной семье, где стану мамой одной очаровательной малышки и женой одного вредного адвоката, которому, прежде чем сказать «да», хорошенько пощекочу нервишки.

ОКСАНА

Какая вероятность того, что адвокат, найденный моим в скором времени бывшим мужем, окажется адекватным мужиком, понимающим, что значит семейные ценности, неприемлемость измен в браке и неприкосновенность чужой собственности?

Пятьдесят процентов из ста.

Либо «да», либо «нет».

Хотя... есть же еще вариант «может быть». Что, по сути,

равняется все тому же «нет».

На этой неприятной мысли я застываю посреди лестницы, между первым и вторым этажами трехэтажного кирпичного здания, что полностью занимает «Бюро адвокатов», и, ставив вязанную шапку, задумчиво почесываю лоб.

Вообще-то я шапки жуть как не люблю, вечно от них то лоб чешется, то затылок или виски ломит, аж до слез. Но сегодня черт дернул нацепить вместо любимого пуховика с капюшоном песцовую шубу – подарок родителей на двадцатипятилетие. А шапка пошла вдогонку, так как декабрь в этом году оказался снежным и морозным, как никогда.

– Нашла, где встать, бестолковая! – прилетает в мой адрес ворчание дородной дамочки в каракуле, что до этого момента топала за мной следом, натужно пыхтя и попутно выговаривая что-то шипяще-свистящее своему плюгавенькому супругу в дермантине. – И так ступеньки слишком высокие и неудобные, а лестница бесконечная, так еще теперь обходи тут всякие тощие препятствия.

Тощие препятствия?

Усмехаюсь тихонько себе под нос.

Так мило меня еще не оскорбляли, надо будет запомнить. Вдруг при случае пригодится.

Мужичок, крикнув, бросает на свою спутницу испуганный взгляд, следом на меня – короткий и извиняющийся, но рта не раскрывает.

«Точно телок на веревочке», – определяю его роль в од-

ной конкретной ячейке общества, называемой семьей, и со смешком обращаюсь к женщине:

– Физкультура – залог здоровья и хорошего настроения, мадам. Не слышали?

– Чего-чего? – оборачивается та и, шумно выдохнув, сдвигает к переносице щедро прорисованные черным карандашом дуги бровей.

– Ой, не переживайте, вам это явно не грозит! – отмахиваюсь от явной любительницы поскандалить по поводу и без.

Пропускаю мимо ушей ее едкое: «Поговори мне еще, пигалица малолетняя» и вновь возвращаюсь мыслями к своим баранам.

Точнее, проблеме с одним конкретным бараном, что решил нанять себе адвоката по семейным делам.

Что же выходит? Если «может быть» приравнивается к «нет», то у меня только тридцать три процента на успех встречи?

Эх, как мало.

Ох, как фигово.

Но в любом случае не проверить этот факт я не могу. Во-первых, уже пришла. Осталось только подняться до третьего этажа. Во-вторых, а вдруг повезет, и адвокат мужа окажется все-таки нормальным мужчиной?

Ведь иначе...

Иначе Мишаня – чтоб его морковка к весне завяла, а у его очередной любовницы, когда она будет делать ему «ох,

как хорошо, детка!!!», та часть лица, которой люди обычно едят, в процессе дарения радости заклинила, хорошенько так, прямо с морковкой Мишани внутри – скоро от меня не отстанет, вцепится, как клещ, и затянет процесс развода до бесконечности, лелея надежду урвать себе кусок от недвижимости, что осталась мне в наследство после смерти бабушки.

Вот уж ни за что ни одного квадратного метра он не получит!

Костями лягу, но ни пушу.

Шиш ему с маслом! Тем самым маслом, просроченным и прогорклым, что он в «Пятерочке» по акции два месяца назад купил, решив осчастливить меня своей очумелой хозяйственностью. Как раз за сутки до дня Икс, когда я, порядочная и заботливая женушка, нагрянула к нему на работу – в магазин бытовой техники, где он консультантом трудится, и принесла обед к обеду.

А в итоге застучала своего трудягу в поте лица вкалывающим не в общении с клиентами, а между длинных ног начальницы – заведующей магазином, в подсобном помещении.

Хотя обед тогда все равно порадовал. Правда, не муженька, а меня.

Наличием под рукой.

Открыла банку с горячим молочным супом с лапшой, который Мишаня до одури уважает, а я даже на дух не перено-

шу, хотя варю варила исправно, и от щедрой души выплеснула все содержимое на увлеченных процессом спаривания любовников.

Ох, как сладко он орал, что спина и жопа пятая точка сгорели.

Ох, как она верещала, прикрывая свои надувные выдающиеся прелести, что посторонним на склад вход запрещён.

Ох, как широко и злорадно я улыбалась, глядя на этих двоих, – ну не плакать же, право слово! – и мысленно благодарила судьбу, что привела меня в нужное место в нужное время и показала кобелиную натуру муженька, с которым и прожили-то всего-ничего. Всего-то девять месяцев, если говорить точнее.

А если б лет пять или больше? А если б детей родили?

Кошмар.

Кошмар, который, к счастью, не случился.

Нет, права была мама, когда меня от брака отговаривала и заверяла, что спешу. Подумаешь, скоро четверть века отмечу, ничего страшного, вся жизнь впереди. Встречу еще своего мужчину. Непременно встречу. Не дело это – за первого встречного-поперечного...

А я, дурында, ее не слушала, за другое переживала. Ведь как так-то? Все подружки замуж повыскакивали к двадцати годкам, одна я, заучка, в старых девках осталась.

Никому ненужная.

А значит что? Правильно, дефектная.

А кому охота дефектной быть?

Вот с этой совсем негениальной мыслью и пошла за того, кто первый позвал. Скорее-скорее, едва не сверкая пятками.

И пусть не любила Казакова, тоже мне проблема, он-то любил – Мишаня о чувствах заливался почище звонкоголосого соловья. А какие стихи читал – м-м-мм, с выражением, аж заслушаешься. А как красиво ухаживал – цветы с клумбы каждую неделю воровал! А как ревновал ко всем.

И неважно, что моложе меня на два года. И неважно, что приезжий и только-только закончил университет по направлению «Судовождение», куда вечный недобор. И неважно, что из общаги, чтобы остаться в нашем городе, ему надо было куда-то съезжать.

Всё было неважно, ведь он меня замуж позвал!

Это я позже поняла, что прогадала с выбором. Ни лампочку тебе перегоревшую в люстре поменять – нафиг-нафиг, вдруг током стукнет; ни полку к стене прибить – такие сложности можно только профессионалам доверять и лучше «мужа на час» вызвать; ни продуктов купить – боже, там же все сложно и непонятно: сроки, производители, консерванты... Казаков не мог ни-че-го.

Зато стихи по-прежнему читал выразительно и цветы таскал, пока клумбы по осени не завяли, и ревновал, ох, как ревновал – даже к завхозу школы, в которой я работала учителем начальных классов, деду шестидесяти восьми лет со вставной челюстью.

В общем, к моменту, когда застала Мишаню между ног его новой Музы, шоры с глаз упали окончательно, а желание уговаривать себя, что стерпит-ся-любится, нужно просто подождать и притереться, растаяло без следа, как утренний туман под лучами жаркого солнышка.

Да какое там?!

Я, кажется, в тот момент выдохнула.

С облегчением. Неимоверным.

Будто титан, которому больше не надо держать на плечах небесный свод.

Все встало на свои места.

Я поняла главное: мне больше не надо искать повод и вести сложные разговоры о несовместимости. Не надо посыпать голову пеплом, что не смогла полюбить, а это, оказывается, в отношениях важно, ведь только тогда грязные носки под кроватью, немытая посуда в раковине и муж – белоручка, пропадающий если не на работе, то в виртуальном мире компьютерных игр, воспринимается с улыбкой и пониманием, а не рычанием бешеного гризли, рождающегося внутри тебя.

Я нашла выход. Точнее, выход нашел меня. Предоставил повод легко и просто собрать вещи и уйти в туман переехать в квартиру, оставшуюся в наследство от бабушки, которую полгода как собиралась сдавать, но так и не сдала. Не дошли руки.

Зато после застуканной измены и руки дошли, и ноги. И

не только до бабулиной квартиры, но и до ЗАГСа, где в тот же день подала заявление на развод.

Сразу нас не развели, к сожалению. Дали пару месяцев на обдумывание и возможное примирение. Стихоплет на славу постарался. Снова заливался соловьем, чирикал о любви. И только я обрадовалась, что вот-вот двухмесячный срок подойдет к концу, а новый год я встречу свободной женщиной, как Казаков «порадовал», что подтянул к делу адвоката. Благоверный с какого-то перепугу вздумал претендовать на кое-какое мое имущество.

И вроде как бояться мне нечего, но все мы люди умные. Знаем: куча законов в нашей стране легко двояко трактуется, а в суде зачастую побеждает не тот, кто прав, а тот, у кого руки длиннее и много всего в заглазнике припрятано: связей, власти, денег, друзей при власти и непременно хитрая жопа голова в наличии.

Поднявшись на третий этаж, окончательно расстегиваю шубу – очень уж жарко – и обзираю коридоры, уходящие влево и вправо.

«Пожалуй, двину туда», – ступаю в тот, куда ведет интуиция. И угадываю.

– Ага, тридцать первый, тридцать второй... всё правильно, сюда. Мне тридцать пятый нужен, – бубню под нос, продвигаясь дальше и дальше и удивляясь, что кругом тишина и никого нет.

Понятно, рабочий день у большинства давно закончился

– восьмой час вечера на дворе, – но неужели в этом здании только нужный мне адвокат так долго трудится?

Хотя, без разницы, даже если он один за всех трудоголик. Мне главное – его застать. А секретарь сказала, что он свободен бывает только в это время.

Дойдя до кабинета с нужной цифрой, вчитываюсь в серебристую табличку на стене справа. Убеждаюсь, что всегда занятой и вечно неуловимый А.А. Звягинцев принимает именно здесь, и коротко стучусь.

Ответ разбираю плохо. Непонятное бу-бу-бу и никакой конкретики, потому на свой страх и риск все же решаю, что это было: «Войдите», и смело толкаю дверь.

Женщина в задранном платье, распластанная по столу – первое, что бросается в глаза. Второе – широкая спина мужика, нависающего над ней.

– Саша, дьявол криворукий, я больше не могу ждать, суй скорее, – бьет по перепонкам женский нетерпеливый голос.

– Черт подери, Мила! Не видишь я стараюсь, но он не лезет! – рычит мужской.

– Да вы охренели, товарищи! – вплетаю в диалог свой третий.

Глава 2

ОКСАНА

Возня на столе мгновенно затихает, будто невидимый колдун, взмахивает волшебной палочкой и примораживает двоих оголодавших, превращая их в камень. Кабинет заполняет настороженная тишина и тихое гудение кулеров системного блока.

И нарушается моим тихим, практически беззвучным фырканьем.

Это ж насколько у обоих подгорало, как было невтерпёж, что даже дверь запереть не озаботились?

Бесстыжие, фу! На миг аж зависть берет. Какая страсть! Какой кураж!

Но лишь на миг... с половиночкой.

Дальше царапает недоумение.

Разлепяться они собираются? Расходиться, как нашкодившие коты, в стороны, стыдливо отводить глаза, извиняться?

И-и-и???

Но проходит секунда.

Вторая.

Горе-любовники так и не двигаются. А я так и стою на пороге. Пыхчу – жарко в шубе – и сама не знаю, чего жду.

Хотя нет, знаю. Жду, что в моей сумке каким-то чудом

материализуется банка с горячим молочным супом, можно даже без лапши, которая спасет ситуацию. Она-то уж точно поможет, я проверяла. И Казаков, если что, подтвердит. Точнее, его обваренная пятая точка.

Хлоп.

Распахнутая мною дверь благодаря доводчику с глухим щелчком закрывается, и парочка моментально оживает.

– Саш, чего застыл-то? Видишь я раздвинула шире, суй, – женский голос отдает очередную команду, но на этот раз в виде шепота.

– Легко тебе говорить, Мил, у тебя пальцы тонкие и ловкие. Не чета моим, – отвечает ему мужской. – Та-а-ак... давай-давай... мля, опять не лезет!

– А ты сделай, чтобы влез, иначе я тебя не отпущу!

– Ну нихрена вы наглые! – не сдерживаю эмоций.

Небо, и о чем я только думала, когда шла вызывать к совети неизвестного двуного кобеля адвоката?

Уж точно не о том, что Звягинцев А.А. окажется зеркальной копией моего блудного мужа и тоже не будет чураться иметь все, что движется, прямо на рабочем месте.

– Черт! Вы что, еще здесь? – нарушает мои гневные мысли возмущенный мужской рык. – А ну покиньте кабинет! Немедленно. Я не принимаю.

– Да я уж вижу, что вы не принимаете, – ехидничаю ему в спину. – Это вас принимают... от души и широко распахнув объятия... нижних конечностей.

Женский смешок достигает ушей параллельно с новым высокомерным заявлением:

– То, чем я занимаюсь в свое нерабочее время, вас не касается, дамочка!

Дамочка?! Я?!

Ах ты выхухоль нечёсаная!

Да мне двадцать пять только неделю назад исполнилось! Я молодая и прекрасная! А не зрелая и местами увядшая!

Недовольство распирает, как разогретый гелий шарик. Подбочениваюсь и задираю повыше подбородок, пусть даже этот противный Звягинцев А.А. ко мне не обращивается.

– Касается или нет – вопрос спорный, господин адвокат! – цежу, нашпиговывая широкую спину гневными взглядами. – Потому что ваша секретарь мне лично назначила это время и проинформировала, что вы предупреждены.

– Черт! – снова матюгается неприятный тип. – Вы Антипенко что ли?

– Она самая.

– Мля... выйдите, Антипенко. Я вами чуть позже займусь.

– Пф-ф! – выплевываю едва втянутый в себя воздух. Был бы яд, непременно его сплюнула. Четко в цель. – Нет уж увольте мною заниматься! Без всяких низко социально ответственных типов обойдусь! Тем более, все что хотела узнать, я уже выяснила. Не зря вас мой почти бывший муженек нанял. Рыбак рыбака видит издалека. С кобелями всё аналогично!

– Чего?

Широкая спина Звягинцева А.А. дергается. Женщина под ним вскрикивает, но они так и не отлепляются друг от друга.

И только я разворачиваюсь, собираясь покинуть малоприветное общество, как женский голос меня окрикает:

– Девушка, а вы не могли бы нам помочь?

ЧТО?

Я будто на прозрачную стену налетаю. Медленно оборачиваюсь:

– Предлагаете присоединиться? Нет уж, увольте. Я тройнички не приветствую. Старый дедовский способ: один мальчик, одна девочка – меня, знаете ли, больше устраивает.

На сим кабинет я все же покидаю.

До слуха доносится неясное бульканье, не то смех, не то рев. Отмахиваюсь.

Зря всё-таки притопала... с адекватным мужиком вышла накладка.

АЛЕКСАНДР

– О, боже, что это было? – ржет Милка, держась за живот и сгибаясь пополам.

– Чудо в перьях, – характеризую городскую сумасшедшую, застегивая ремешок часов на запястье.

Это ж надо было встрять в такую нелепую ситуацию. Еще и полную двусмысленностей. И ведь ничто не предвещало попадалова.

Но, как говорится, звезды сошлись.

Трифанова забежала ко мне после работы – заранее договаривались – и занесла документы одной своей знакомой. Или знакомой своей знакомой, я особо не вникал. Ее неиссякаемое желание помогать всем вокруг давно стало притчей во языцех.

Этот раз не был исключением.

Поздоровались. Обсудили вопрос «бедной» девочки, которая якобы бездумно подписала брачный договор и не знала, что в случае развода раньше, чем через пять лет со дня брака, она должна будет вернуть мужу все драгоценности, которые тот ей подарил. А подарил мужик немало, как я понял. Лямов на десять или около. И теперь, узнав нюансы, молодая супруга «одумалась» и решила всё отыграть назад, но муж уже закусил удила...

Я обещал глянуть контракт и поделиться мыслями, хотя по чесноку юную хитрозадую девицу совсем не жалел. В девятнадцать за пятидесятилетнего плейбоя она явно выходила не по любви.

Дальше переключились на обсуждение дел Пашки. Тут я вспомнил, что брательник просил передать Милке крепкие объятия при встрече. Трифанова чем-то там по учебе мелко-мелко сильно помогла – тот аж пищал от счастья. Ну и подошел, чтоб шуточно троюродную сестрицу обнять.

А эта красотка, модница неутомимая, снова в свои сапожищи на шпильках вырядилась. Пока болтали, с них снег

растаял и в лужицу у ног натека. Ну Мила и оступилась.

Стала заваливаться на стол. Я ее ловить...

Не очень удачно.

Вернее, пипец, как неудачно.

Оба спикировали на стол. При этом я еще умудрился ремешком наручных часов зацепить подол ее нового вязаного платья-лапши. Да так основательно, что дерни рукой, чтоб освободиться – порву плетение нахрен и оставлю приличную дырень на видном месте.

Мало этого, еще и крестик у меня из-под рубашки выскользнул и за Милкину сережку в виде колечек-висюлек зацепился. Провалился в одно из них.

И в этот момент, когда мы, запутанные и ржуще-ворчащие, пытались распутаться, заявила Антипенко. Со своим громким «фи» и богатым воображением.

– То, что чудо, Саш, согласна. А перьев я у нее не увидела, – продолжает потешаться сестра. – Очень даже миленькая девушка.

От «миленькой» моментально отмахиваюсь. У Трифановой все женские особи, что хотя бы теоретически могут стать моими спутницами жизни, попадают в эту категорию.

Сестра не теряет надежды пристроить меня в чьи-нибудь бережные руки и никак не понимает очевидного – мне и одному отлично живется. Тем более, и не один я вовсе.

– Я вообще не понимаю, что ты там могла увидеть и, главное, как? – растягиваю губы в ухмылке. – В твоём-то поло-

жении.

Припоминаю ее, раскоряченную, на столе.

– Видела-видела, – не сдается Милка. – Лицо у блондиночки было очень выразительным. А уж когда ты ее дамочкой назвал, думала, она тебя точно поколотит. Она, кстати, кто? Клиентка? Важная? А то очень неудачно вышло.

– Нет. Ее муж в клиенты набивался. Но я этого ушлого прихлебателя сразу лесом послал.

В памяти легко воссоздается лицо смазливового парня с бегающими глазами, который мне сразу не понравился. А уж когда он открыл рот и поделился мыслью, что хочет нагреть руки на имуществе благоверной... – я думал лично его за шкирку из кабинета выкину.

Тот, к его счастью, оказался догадливым и моментально смотался сам, не став искушать судьбу.

– О, как. Разводятся, значит?

– Ага, если эта Антипенко не передумает.

– Ну, вид у нее был очень решительный, когда она вошла. Сомневаюсь, что передумает... – убеждает Мила, но вдруг мрачнеет. – Слушай, Саш, а она на тебя никому не нажалуется? Ну, что мы тут случайно... а то, не дай бог, проблемы нарисуются?

– Не переживай, не нарисуются, – отмахиваюсь.

Но в голове галочку себе ставлю. Пожалуй, стоит запросить с поста охраны видео из коридоров и отследить, что одна любительница старого дедовского способа, а не тройнич-

ков – непроизвольно фыркаю, не сдержав смешок – благополучно покинула наше бюро, никуда больше не заходя.

– Значит, вы с Тёмычем в отпуск через пять дней летите? – переключая внимание сестры на новую тему.

Удается легко.

Людмила моментально забывает про лишнее и, излучая вселенскую печаль, вздыхает:

– Да, Сань, на три недели. Билеты уже на руках. Прости, братик, что с Никуськой подстраховать не смогу. Я ж не знала, что у тебя сроки по Рустамовой на полтора месяца сдвинутся.

– Никто не знал, не вини себя.

– А назад никак отыграть нельзя и опять вернуть на январь? Я уже в городе буду. Помогу без проблем. Или тебе в Тюмень другого адвоката послать, а самому отсюда его курировать?

– Нет, Мил, – качаю головой. – Без вариантов. Я полтора года это дело веду, все мелочи знаю. А нового спеца подключать – он вникнуть не успеет, а «на от..бись» нам никак нельзя. Тамаре давно пора вернуть ее детей. Она ж их все это время не видела.

– Согласна, братик. Тянуть дальше – жестоко. Не представляю, каким моральным уродом надо быть, чтобы разлучать малюток с матерью.

С этим абсолютно и полностью согласен. Скажи мне кто, что Веронику у меня отберет, да я его с землей сравню и

сверху бетоном залью. Для надежности.

Но это я. А у других...

– В жизни всякое случается, – замечаю философски, после чего достаю из шкафа куртку и киваю на выход. – Ладно, пойдём. Я тебя до дома подкину. Да и няня просила, чтобы я ее в восемь отпустил.

– Ух, ничего себе, уже без пятнадцати, – вскидывается сестра, глянув на часы, спешно хватает вещи и, цокая каблучками, вылетает в коридор. – Давай скорее, Саш. Иначе опоздаем.

– Егоза, – хмыкаю себе под нос и устремляюсь за ней следом.

Глава 3

ОКСАНА

В родительскую квартиру возвращаюсь в начале девятого.

– Всем привет! Я дома, – подаю голос, закрывая за собой дверь.

Прямо как в старые добрые времена, до моего глупого замужества, когда жила здесь с родными на постоянной, не ведая, что когда-нибудь от них перееду.

Ставлю сумку на зеркало, туда же определяю и шапку, которую стащила сразу, как вошла в подъезд. Сдергиваю верхнюю одежду и убираю на вешалку в шкаф. Наклоняюсь, расстегнуть сапоги. А когда выпрямляюсь, мамуля выглядывает из кухни.

– Ну что, дочь, как сходила? – интересуется она, вытирая руки полотенцем. – Поговорили?

В глазах беспокойство и надежда на лучшее, а за ними решительность и неизменное желание помочь и поддержать.

Она у меня такая. За свою семью без раздумий горой встанет, даже если я или папа порой совершаем ошибки. Безусловная любовь. Такая не всем доступна.

– Да без толку, Люб, – опережает меня с ответом отец, выходя их гостиной и прислоняясь плечом к дверному коску.

– Не видишь что ли? У Ксюни на лице всё написано.

– Да ничего на нем не написано, па! Просто у тебя фанта-

зия богатая, – отмахиваюсь. – Кстати, вот, держи. Как просил, купила на почте декабрьский номер. Сказали, только вчера вышел.

Расстегнув молнию на сумке, вынимаю и протягиваю нашему семейному любителю японской игры-головоломки небольшой по размеру, но пухлый по толщине журнал «Судоку».

– Ох, спасибо! – расплывается тот в благодарности, забирая из рук сокровище. – Моя ж прелесть!

Бережно прижимает к груди печатное издание и поправляет очки, которые с макушки едва не сваливаются ему на нос.

Но едва я радуюсь, что легко сумела оставить последнее слово за собой, как глава семейства Антипенко доказывает обратное: память у него отличная, и так просто с проторенной дорожки он сходить не собирается:

– А по поводу богатой фантазии, дочь, я бы с тобой поспорил. Заметь, это не я, а ты школу забросила и в сказочницы подалась, чтобы детские книжки писать.

Усмехаюсь и качаю головой.

– Я не школу забросила, па, а преподавание в школе, – поправляю его, наставляя указательный палец. – И, если мне не изменяет память, ты первый меня в этом поддержал.

– Ксюнь, ну а как тебя было не поддержать, если ты из-за Мишани-долбоящера себе всю психику расшатала и призналась, что дома тебе морально легче и спокойней работается,

чем каждый день в шумном коллективе преподавателей? Да и с финансовой стороны ты в плюсе оказалась, хоть я, признаюсь, по началу сомневался.

– Ну, коллектив преподавателей был не шумный, а до жути любопытный. Словно не в большом городе живешь, а в деревне, где каждый всё о тебе лучше тебя знает, без просьб советы раздает да за спиной кости перемывает, – вываливаю на свет божий то, что угнетало сильнее остального. Пока училась в педагогическом, даже не подозревала, что бабье царство не зря именуют гадюшником. Это такая клоака, мама не горюй! – А по поводу выплаты гонорара за книги, так я ж по договору работаю, пап. Официально. Там не обманывают.

– Бережёного бог бережёт.

– А остальные просто страхуются, – подмигиваю, заканчивая начатую отцом пословицу.

– Так, спорщики мои любимые, предлагаю болтологию продолжить за столом. Я ужин приготовила, и он стынет, – хлопает мама в ладоши, перетягивая на себя всё внимание. – Оксан, дуй переодеваться и мыть руки, а ты, Дим, относил свою бумажную прелесть в комнату и возвращайся. Поможешь мне накрывать.

– Яволь, майн либен генераль, – шутливо козыряет папа, чмокая маму в щеку, и, подмигнув мне, уносится выполнять распоряжение.

Папа у нас на работе начальник, грозный и требователь-

ный, главный инженер завода по изготовлению железобетонных конструкций, а дома примерный семьянин, любимый муж и добровольный подкаблучник. Хотя мама от него этого совершенно не требует. Характер у нее не тот, чтобы самоутверждаться за чужой счет.

У родителей вообще какой-то невероятно идеальный симбиоз в отношениях. Гармоничное партнерство, где оба друга слышат и понимают с полуслова, поддерживают и дополняют без просьб и уговоров.

Даже странно, как изо дня в день видя их коммуникацию, взаимное понимание и любовь, я решила довольствоваться суррогатом? Явно мозги закисли или лунное затмение по темечку ударило.

– Дочь, так что там с тем адвокатом-то? Не помню его фамилии... – возвращается к начальной теме разговора мама, когда мы, убрав лишнюю посуду, неторопливо пьем чай.

Папа с баранками, мама с овсяным печеньем, а я с лимоном.

– Звягинцев А.А. – кривлюсь, припоминая темный затылок, широкую спину и узкие бедра, застрявшие между длинных женских ног.

Но тут же спохватываюсь и, чтобы родители не завалили дополнительными вопросами по поводу гримасы, хватаю чайную ложку, вылавливаю желтый кругляш и засовываю его в рот.

Фу... гадость какая!

Стону мысленно, стараясь поскорее всё прожевать. Учитывая повышенную кислотность моего организма, лимон кажется не просто кислым, а невероятно атомно-бомбически кислым. Аж челюсть сводит.

— Ага, точно, Звягинцев, — кивает мама, несколько секунд наблюдая мои «мучения», а после без слов пододвигая сахарницу — вот же шутница! — И что же этот Звягинцев А.А., Ксан? Неужто он Мишке поверил и за ваше дело взялся?

— Ну... не то, чтобы взялся, — тяну, дожевывая гадость и раздумывая, что лучше сказать и о чем умолчать. Все же тема любвеобильности адвоката деликатная и, пусть я знаю, что дальше стен нашего дома не уйдет, всё равно не для обсуждения. — Он взял паузу на подумать.

— Паузу?

— Э-э-э... ну да... — сочиняю на ходу, — сказал, что толком документы не смотрел. Занятый сильно, и командировка срочная и вроде как длительная у него на носу. Вот вернется, тогда глянет и скажет — да или нет.

— Хм... странно, — присоединяется к разговору папа, до этого слушавший нас молча. — Выходит, Мишаня-долбоящер набрехал?

— Выходит, да.

Ему ж не впервой.

Кривлюсь. Но тут уже ни у кого вопросов не возникает. Родители морщатся за компанию.

— А слушание по разводу через две недели назначено. Так?

– Да. Через две.

– Получается, Ксюнь, если этот шибко занятой Звягинцев А.А. немного протянет резину, то беспокоиться нам не о чем?

– Выходит, да, – киваю, странным образом веря в собственную ложь.

– Ну вот и славненько, – подводит итог мама, потирая руки, словно всё уже решилось положительно, а плохое осталось в стороне. – Может, тогда еще по чашечке?

– А давай, Любаш, – соглашается папа и, повернувшись ко мне, переключается на другую тему. – Ксюнь, с ремонтом что? Точно моя помощь не нужна?

Когда я решила переехать в квартиру бабушки, родители отговаривать не стали. Надумала – так надумала. Не зря ж бабуля мне ее завещала, да и я – деваха уже взрослая. Понятно желание иметь личный уголок.

Единственное, отец надоумил сразу сделать ремонт, пока мебель не завезли. Уж лучше отремонтировать пустую, так сказать, отмучиться разом и заселиться в чистое, чем сначала обжиться, а через год – два понимать, что надо менять что-то тут, что-то там, и для этого двигать всё с места на место.

– В следующую пятницу буду принимать итоговую работу. Так что у меня вопрос, родители: можно я у вас еще и эту недельку поживу?

– Дочь, да какой вопрос? – всплескивает руками мама. –

Оставайся столько, сколько надо. Хоть насовсем. Мы ж только рады.

– Вот-вот, оставайся, – поддакивает отец и подмигивает.
– А-то кто мне без тебя гренки с сыром в духовке запекать будет?!

Глава 4

ОКСАНА

Взбиваю попышнее подушку, гашу ночник и натягиваю до самой шеи одеяло. В квартире не то чтобы прохладно, вполне комфортно. Но я сама по себе жуткая мерзлячка. Особенно по зиме.

Как отец говорит, зяблик во втором поколении.

Мамуля у нас в этом деле первопроходец. Она летом в жару блузки с длинным рукавом запросто носит и не потеет. Народ в шоке, а ей комфортно.

Вытягиваюсь в любимой позе на животе, сгибаю одну ногу в коленке и задираю повыше к животу и с тихим:

– Ка-а-айф! – закрываю глаза.

Даже не верится, что ремонт закончен. Рабочая бригада уложилась в обозначенный ими же самими срок и сдала объект без всяких тяп-ляпов.

Папа специально с работы отпросился в четыре. Приехал и лично проверил каждый угол и шов, прежде чем дал мне добро подписывать акт выполненных работ.

Теперь впереди только приятные хлопоты. Покупка мебели и расстановка ее так, как моя душенька пожелает. А дальше вазочки, фигурки слоников, другие безделушечки из стекла. Тридцать три квадратных метра в моем полном единоличном распоряжении.

Есть же на свете счастье.

Прежде чем уплыть в сон, подтягиваю ближе к лицу телефон, активирую экран и еще раз проверяю выставленные будильники.

Один на восемь. Второй на восемь десять – запасной.

Кнопки горят синим, значит, активированы.

Вот и отлично.

Гашу экран и сдвигаю гаджет повыше, чтобы случайно не сбить во сне рукой.

Вообще я люблю поспать подольше. Сова. Теперь и работа на дому это позволяет. Но завтра у мамыли первая половина дня свободна. Она подкинула предложение, а я согласилась с самого утра покататься по мебельным магазинам, заценить образцы диванов и кресел в реальном виде. Пощупать обивку, проверить упругость наполнителя и мягкость подушек, а главное, определиться: удобен ли мне разборный механизм.

Вроде бы мелочи, а по факту серьезная вещь. Доказано опытным путем.

Родители год назад, когда я на съемную квартиру к будущему мужу съехала, мою девичью старую кровать распилили на доски и на свалку вывезли. Взамен купили новый большой угловой диван.

Мягкий, удобный, плюшевый, охрененный.

И неважно, что розовый, как поросёнок.

Вот реально всем хорош оказался, но разборный механизм – беда.

Я до сих пор, как свинья в апельсинах, в вопросе его сборки. Разбираю на раз. Хоп-хоп и готово. А собрать даже по уроку из видеоролика не получается.

Тут поддеть, тут нажать, тут потянуть и сложится... как бы должно. А по факту этот розовый монстр лишь скрипит, пыжится и стоит нестигаемый и бесячий до трясучки, пока папа к нему руку не прикладывает.

Так, всё, не туда мысли пошли.

«Кыш из головы, противные! Спать пора! – шикаю на них. – Расслабляюсь, расслабляюсь, расслабляюсь... сплю-ю-ю...»

И тут телефон противно блимкает и ярко загорается. Да так, что вспышку сквозь сомкнутые веки улавливаю.

– Ы-ы-ы... – озвучиваю недовольство шумным выдохом. Предпринимаю титаническую попытку забить и забыть, но любопытство побеждает желание проигнорировать входящее сообщение.

Вдруг важное?

Тянусь к светящемуся экрану и, щурясь, открываю чат с мамой.

«Не забудь перед сном сказать: «Ложусь на новом месте, приснись жених невесте!»»»» перечитываю пару раз.

Она реально сейчас или прикалывается?

На пару мгновений зажмуриваюсь, накидывая другие варианты. Они, понятное дело, не накидываются.

«Лучше три раза повтори, Ксюш. Для надежности»

Отжигает родительница новой эсэмэской.

– Не шутит, – подвожу итог.

«Мам, я еще не развелась!»

Напоминаю очевидное.

«И то верно», – приходит ответ.

А вдогонку:

*«Тогда скажи иначе: «Ложусь на новом месте, при-
снись развод Оксане!»»*

«Фамилию точно добавлять не надо?!» – шпарю, бе-
гая пальцами по виртуальной клавиатуре, перевернувшись с
живота на спину.

Не, ну а вдруг? Это ж мама. Она плохого не посоветует.

«Оксан, ты сейчас серьезно?»

В начале первого ночи?

Абсолютно точно да.

Но с абсурдом решаю заканчивать.

*«Всё, мам. Я сплю. Если сейчас собою сон, утром не
встану!»*

Так себе угроза, о чем любимая Любовь Витальевна мо-
ментально сообщает:

*«Не переживай, дочь, я тебя разбуджу. У меня, если
что, ключи от твоей квартиры есть. А про гадание не
забудь!!!»*

– Ага... уже... – тяну, зеваю аж до слез.

И с облегчением выдыхаю. Мама из сети пропадает.

Гашу экран, отодвигаю мобильник и, вновь перевернув-

шись на живот, подтягиваю ногу к животу. Правда, теперь уже другую.

Никакую белиберду, естественно, не говорю и засыпаю практически моментально. А просыпаюсь...

Глава 5

ОКСАНА «Боже! Да что такое-то? Сколько ж можно?», – вспышкой простреливает беспокойство.

Рывком принимаю сидячее положение и с трудом разлепляю не желающие открываться глаза. В голове вата, сознание до сих пор пребывает в блаженной дрёме, да и организм усердно доказывает, что не отдохнул. Ему ещё и ещё надо.

Но что-то нервное зудит на подкорке, не позволяя вновь упасть в желанные объятия Морфея.

Медленно моргая, осматриваюсь.

За окном беспробудная ночь. На чёрном небе ярко светят звезды. В квартире тихо и темно. Если бы не фонарь у подъезда, куда выходит окно, с трудом различила бы малочисленную обстановку комнаты. А так удаётся. И вроде всё в порядке.

Но что-то же меня разбудило?

Зевая, подтягиваю к себе телефон. Жму боковую кнопку и тут же морщусь. Максимальная яркость экрана неприятно бьёт по глазам.

Два – тридцать семь.

Ничего себе. Это ж я пару часов только, как уснула.

Проверяю верхнюю панель. Вдруг мама какие-то ЦУ не додала? Нет, пусто. Значит, дело не в гаджете.

Вновь вожу глазами по комнате.

Сходить на кухню попить?

Ой, нет. Выбираться из-под теплого одеяла – нет уж, ни за что.

– Ерунда какая-то.

Шёпотом озвучиваю странную реакцию организма, который до сего момента никогда не изъяслял желания пробуждать ночами, даже чтобы сбегать на горшок, и, ерзая задницей по свежей простыне, съезжаю вниз.

Спать, спать, спать...

Укладываюсь на спину и с новым зевком закрываю глаза. А в следующую секунду вновь подрываюсь, будто иголкой тычут, и принимаю сидячее положение.

За стенкой, как раз за той, возле которой стоит моя кровать, раздаётся детский плач.

Такой громкий, будто малыш не где-то там, в чужой квартире, в истерике надрывается, а у меня под боком.

Такой жалобный и пронзительный, что нутро наизнанку выворачивает, а в голове все встаёт на свои места. Именно он прорвался сквозь мой крепкий сон, взбудоражил и выдернул в реальность.

– Давайте уже, успокаивайте, – бормочу, натягиваясь дрожащей струной и вслушиваясь в каждый всхлип, в каждую паузу, в каждую продолжительную секунду бесконечно-го требовательного «а-а-а-а-а...».

А он все длится и длится.

– Да вашу ж Машу!

Кто-то не выносит храпа, кто-то чавкающих людей, кто-то не может смотреть на медленно переходящих пешеходный переход бабушек и дедушек и рвется им помочь.

Мой личный клин – детский плач.

Слышу его и все внутри дрожит, а сердце кровью обливается. Хочется бежать и спасать. Немедленно! Помогать, жалеть, холить, приголубливать. Изворачиваться, но делать так, чтобы ребенок не страдал. Ведь не просто так он рыдает. Ему либо плохо, либо страшно, либо больно, либо чего-то не хватает.

А если всё сразу?

Первые десять минут тянутся бесконечной полосой. Успеваю и встать, и свет включить, и походить. И сесть. И снова походить, сверля беспокойным взглядом стену.

На первой половине второй десятиминутки терпение лопается, и я начинаю одеваться.

Не могу больше ждать и ничего не делать.

А вдруг ребенок там один?

И это не моя буйная фантазия. Случай из жизни.

Еще участь в универе, одна из одноклассниц рассказывала, как они с молодым мужем неудачно сняли квартиру на верхнем этаже старого панельного дома. И проблема была не в том, что у них с крыши по стене течет, а в том, что под ними жила мать-одиночка. Молодая и безголовая идиотка, которая умудрилась сначала родить ребенка, а потом вдруг понять, что не нагулялась. Эта вертихвостка ночами убегала

по своим важным не догулянным делам, а ребенок, будучи один, может даже в темноте, испуганный или голодный, орал на крик. И никому до его беды не было дела.

Вопрос закрылся, только когда по душу горе-мамаши вызвали специалиста из КДН.

А если и тут подобный случай?

А если кроха в беде?

Выпал из кроватки, ушибся, пить хочет, на ручки, животик болит? Да мало ли?!

Не умею я по тональности плача определять размер опасности, как и возраст малыша. Но, чувствую, у соседей не совсем грудничок. Те ж пищат да покряхтывают, а тут так громко и жалобно. До мурашек по коже.

И еще одно: за девятнадцать минут тишины так и не наступает. Есть ли там, кому успокаивать?

Протоптав по новому ламинату дорожку от окна до двери еще три раза, сдуваю челку с глаз и, сжимая кулаки, принимаю решение идти выяснять, что да как.

Вот уж не думала, что в первую же ночь стану кому-то проблемной соседкой. Но иначе не могу. Не усну ведь, пока за стенкой не успокоятся.

Накинув поверх домашнего костюма теплую кофту, втискиваюсь в шлепанцы с меховой опушкой и устремляюсь к входной двери. Отпираю замки, вываливаюсь на площадку, прислушиваюсь. Ловлю новый, пусть и намного глуше, писк и давлю на кнопку звонка.

«Дин-дон» разливается приятная негромкая трель.

Стою, жду.

Смотрю то на глазок, то на металлическое полотно двери.

«Ау, соседи! Где вы?» – зову мысленно.

Те не спешат.

Ни звука в ответ.

Внутри нарастает нервозность. По спине пробегает ледяной холодок. Натягиваю рукава кофты до самых пальцев. Перекатываюсь с пятки на носок и обратно.

Снова давлю на кнопку звонка.

Посильнее.

Новый «дин-дон». И снова текут секунды, а плач ребенка будто бы становится громче.

– Ну и? – рычу на дверь, притопывая ногой.

Злость и беспомощность прибавляются параллельно.

Нет, не уйду ни с чем. Буду стучать до победного. А если не отреагируют, вызову МЧС.

Терпение лопается. Вскидываю кулак и замахиваюсь.

И в этот момент замки щелкают. Дверь распаивается.

На пороге стоит молодой парень. На пару – тройку лет младше меня. Высокий, симпатичный брюнет с торчащей вверх влажной челкой и голым торсом. Из одежды только домашние брюки на шнурке с низкой посадкой. И полотенце на шее.

– Хм, привет, кукла! Борька прислал? – пробегает он по мне оценивающим взглядом и, ухмыльнувшись, выдает. –

Передай, что угодил чертяка. Только я на этой неделе занят.
На следующей приходи.

Что-о-о?

Ошарашенно распахиваю глаза и приоткрываю рот, но дверь перед моим носом уже закрывается.

Ах, ты, недоразумение!

Глава 6

ОКСАНА
 Не думая, вскидываю руку и снова звоню.

Я тебе сейчас такую куклу покажу, Барби Кен малолетний, мало не покажется!

Но по внезапности нападения сосед меня опережает.

Как только умудряется? Или опыт большой?

– Ты совсем сбрендил?! – наезжает он на меня параллельно распахованию двери, когда я только-только готовлюсь его обляпать. – Три часа ночи на дворе. Кончай названивать! Все нормальные люди давно спят.

– Ух ты! – отмираю. – Рада, что ты в курсе таких мелочей!

– Так в чем проблема?

И он еще спрашивает?

– Наверное, в тебе, – тычу в него пальцем. – Ты мне не даешь!

– Мля-я-я... – тянет, проводя пятерней ото лба к макушке, отчего торчащая вверх челка превращается в затейливый беспорядок «я у мамы вместо швабры». Преувеличиваю, конечно. Всё у него там гламурненько. – Я ж сказал, приходи на следующей неделе. Тогда и дам. Точнее, ты мне дашь. А сейчас...

– Чего-о-о?!!

Это что еще за ересь произносит его рот?

Сжимаю кулаки, а в голове четкая картинка, как я обхва-

тываю ими шею одного смазливого развратника и жму, жму, жму...

– Не ори, – шикает он, прикрывая дверь и оборачиваясь назад с таким видом, будто прислушивается, – у меня ребенок спит.

– Уверен? – шиплю, тоже стараясь прислушаться.

– В чем?

– В том, что твой слуховой аппарат не просрочен?! – припечатываю. Замечаю, как темные брови взлетают вверх и объясняю, а то ведь тупит по страшному. – Твой ребенок не спит, парень, а плачет. Двадцать минут криком кричит. Я засекала.

– Паша.

– Чего?

– Я не парень, я Паша, – поясняет, закатывая глаза, и ослаблено добавляет. – А Никуська уже не орет, а спит. Только что уложил.

– Уверен? – повторяю снова.

– Да, – кивает и в подтверждение своих слов распахивает дверь.

В квартире тихо. Детского плача как не бывало.

– Ну, убедилась? – и не успеваю я согласиться, как голосом профессора на лекции он добавляет. – Это ее обычной состояние – проснуться ночью, поплакать и снова уснуть.

В смысле?

Смотрю на «Пашу», как на ненормального. Рыдать ночью,

по его мнению, обычное состояние ребенка? Он с головой точно дружит? Или в его котелке тараканы забастовку устроили, а он не уследил?

– Да не смотри ты не меня как на дебила, – четко считает сосед всё, что я о нем думаю. – Показывали мы ее врачу. Зубы режутся плюс эмоциональные перегрузки. Витаминчики попьём и справимся. Тем более, теперь это только один раз за ночь случается, а не как раньше, каждые три часа.

Уф-ф-ф... успокоил...

Представляю трехчасовые побудки «по расписанию» и перердываю плечами. Кошмар какой.

Будь у меня такая беспокойная дочка, я б с ней на пару рыдала. Бедная мама.

– Кстати, я не понял. А ты чего, двадцать минут под дверью стояла? – отвлекает от раздумий прищурившийся сосед. – Зайти что ли стеснялась?

Наблюдаю, как он конструирует бровки домиком и задаюсь вопросом: прикалывается или тупит по жизни?

К общему знаменателю так и не прихожу, потому демонстративно осматриваю свою пижаму, кофту и тапочки, а после уточняю:

– Считаешь, я к тебе в таком виде на крыльях любви и долга по морозу летела от... как там его... – щелкаю пальцами – Коли? Толи?

– Бори, – поправляет.

– Точно, Борька, – тычу в него пальцем. – У бабушки в

деревне поросенка так звали.

И пока Паша, подавившись, кашляет, до конца проясняю ситуацию.

– И, нет, я не от твоего другана. Я ваша новая соседка слева, – взмахом руки указываю на дверь своей квартиры. – Вчера только заселилась. Теперь буду жить тут постоянно.

– Ого, как!

– Ну да, вот так.

– Хм, тогда приятно познакомиться, соседка, – одаривает меня улыбкой голливудской звезды.

Я же мысленно закатываю глаза. Приятно ему... дурдом полнейший...

И тут меня на зевок пробивает. Такой основательный, что прямо до слез и едва не вывихнутой челюсти.

Прикрываю рот ладонью, а спустя пару секунд, когда отпускает, произношу:

– Ладно, соседи, спокойного вам остатка ночи. Пойду я. И да, – вспоминаю важное. – Мне мебель на этой неделе будут привозить и собирать. Так что, Павел, пусть твоя жена зайдет, скажет, в какое время ваша дочь спит днем, чтобы постараться не сильно мешать. А то, оказывается, у нас с вами жуткая слышимость.

Согласия не дожидаясь, так как засчитываю, что оно автоматом получено. Однако сосед считает иначе.

– Эй, погоди-ка секунду! – окрикивает.

Торможу, как по команде. Оборачиваюсь и вопросительно

приподнимаю бровь.

– Как звать-то тебя, соседка? – улыбается во все тридцать два.

Вот же я тетеря...

Мысленно бью себя по лбу.

– Э-э-э... Оксана.

– Отлично, э-э-э-Оксана, – с усмешкой подмигивает. – Жди тогда, завтра зайду.

И, игнорируя мои нахмуренные брови – я ж не его приглашала – этот чудик захлопывает свою дверь.

Глава 7

ОКСАНА

– Как тебе этот, дочь? – мамуля, не обремененная стеснением, приземляет пятую точку на диван пыльно-синего цвета с кучей разного размера подушек и растекается по нему медузой. – М-м-мм, удобный-то какой. Кла-а-асс!

– Оттенок мне очень нравится.

Касаюсь кончиками пальцев обивки и проверяю ее на ощупь. Бархатистая. Приятная. Большой плюс.

Мы четвертый час топчем ноги по мебельным салонам, которых в городе оказалось больше полутора десятков, и, кажется, все же, наконец, остановились.

Аллилуйя!

– Да, с приглушенно-розовым цветом твоих стен будет отлично сочетаться. И размер подходящий, – мама подтягивает ближе к себе карточку с ценой и габаритами.

– Я тоже так думаю, – соглашаюсь.

Отхожу чуть подальше, чтобы оценить диван одним махом. После чего мысленно переношу его в свою комнату и представляю картину в целом.

Симпатично получается. И даже очень.

Хочу!

Возвращаюсь назад, тоже сажусь. Слегка подпрыгиваю. Попе комфортно.

– Слушай, а он упругий.

– Ага, а подушки легкие, как пух! – мама вытаскивает одну из-за спины и принимается ее тискать.

– Женщина, вы из нее душу вытрясти хотите? – не сдерживает эмоций консультантка, замершая нахохлившейся пандой в боковом проходе. – Так зря стараетесь. Ее там нет.

– Вы успели её вытрясти до меня? – не теряется родительница.

Вот уж кому палец в рот не клади. Откусит.

– Мам, – шикаю, надеясь усмирить, но та и ухом не ведет.

– Кстати, подскажите-ка нам, любезная, какие размеры у спального места? В карточке этого не прописано. И продемонстрируйте, как сей объект разбирается.

Мамуля рывком подскакивает на ноги и предлагает продавцу приступить к профессиональным обязанностям.

Та удивленно хлопает ресницами:

– Так вы что же, покупать собираетесь?

– А вы думали, мы пришли пыль с подушек стряхнуть?

Запрокидываю голову и тихо стону. Чувствую, мы здесь надолго...

Спустя час с хвостиком, пройдя мастер-класс по сборке-разборке дорогой покупки, оформляю ее доставку домой.

– Шкафы смотреть пойдем? – лыбится моя любимая Любовь Витальевна и с предвкушением потирает ладошки.

За подколку с подушкой она консультантку до нервного тика довела, а мне скидку в двадцать процентов вместо де-

сяти выбила, плюс бесплатную доставку.

– Нет, мам, тебе на работу через час, – приглушаю ее энтузиазм напоминанием. – Давай лучше в кафе посидим.

– Уверена?

Азарт в глазах так и пышет.

– Абсолютно. И потом, я тут рекламу видела. Хочу мастера домой пригласить, пусть рассчитает стоимость встраиваемой зоны хранения.

– Хм, а что, мысль! – соглашается, подумав.

С выбором места для перекуса особо не заморачиваемся. Переходим в противоположную часть торгового центра, где расположены магазины одежды и обуви, и устраиваемся на фудкорте возле искусственной пальмы.

Я заказываю стеклянную лапшу с морепродуктами. Мама в «Крошке-картошке» клубенок с копченостями.

– Как ночь прошла? – интересуется она позже, когда мы, закончив с основным блюдом, переключаемся на кофе с пирожными.

– Знаешь, необычно. Пришлось посреди нее проснуться и пойти знакомиться с соседями, – растягиваю губы в улыбке, вспоминая нелепую беседу с Пашей.

Естественно, мама ничего не понимает и хмурится.

– Зачем?

Решаю сжалиться и берусь все разъяснить.

– За стенкой ребенок сильно плакал. Я, дурная, решила, что он там один. Вот и рванула на помощь.

– А ребенок оказался не один?

– Нет, слава богу. Парень молодой открыл. Сказал, что такое у них часто случается.

Припоминаю наглую моську, челку торчком и улыбку ловеласа. Непроизвольно фыркаю. Смазливый позер. Как специально голым по пояс вышел.

Мама мыслей не читает и воспринимает мою реакцию по-своему:

– Ох, понятно, дочь. Ты, когда маленькая была, нам с отцом тоже ночные концерты устраивала. Порой такие громкие, на стенку лезть хотелось. Но спать сильнее.

– И что вы делали?

Подаюсь вперед. Не помню, чтобы она об этом рассказывала.

– Что делали? Что делали? Любили. Тебя и друг друга, – улыбается мама, накрывая мою руку своей. – А потом постепенно всё прошло.

– Надеюсь, ты не про любовь? – подкалываю, играя бровями.

– Тьфу на тебя, дурилка картонная! Я про ночные истерики.

Некоторое время сидим молча. Мама доедает десерт и с кем-то переписывается в телефоне, я потягиваю банановый коктейль и глазею по сторонам.

– Знаешь, Ксюш, я вот думаю: это ж хорошо, что молодежь живет под боком, – возвращается родительница к раз-

говору, гася экран и убирая мобильный в сумку. – Может, подружитесь, а? Тебе всё повеселей будет.

– Не знаю. Поживем – увидим. Какой смысл загадывать? – пожимаю плечами, не говоря ни да, ни нет.

Вот сегодня придут знакомиться, там и посмотрим.

А вообще, если подумать, уж больно странная семейка вырисовывается. Ребенок и... молодой парень, который принял меня за подгон от друга.

Он кто? Отец? Или близкий родственник?

Если первое – то полный финиш!

Если второе – хм, ладно... поглядим.

Друзья, приглашаю в мою новую историю "После измены счастье есть" <https://litnet.com/shrt/gGru>

– Умеешь ты трагедию из ерунды сделать, – бросает муж.
– Измена законной супруге и секс с замужней женщиной, по-твоему, это ерунда?
– Ну что ты в бутылку лезешь? Что изменилось со вчерашнего дня?
– А ты не понимаешь? Нет? Ты же со мной был, потом с ней, а потом опять ко мне идешь... и так... сколько времени?
– Да какая разница, Варь. Люблю-то я только тебя.
«Что ты знаешь о любви?» – хочется завизжать, но я отказываюсь устраивать сцену. Не заслуживает он даже ее.
– О любви хозяйке своей пой, старайся и дальше ей угодить! А мне не надо, понял?! – вырываюсь из прежде любимых, а теперь ненавистных рук.
– Варька, да не будь ты дурой! Это же

такая удача! Жена миллиардера, у нее бабок немеряно. И от меня ей только одно надо – ласка да внимание. Не я сам. Она ж со своим кошельком, один черт, никогда не разведется. А мы заживем! Да я о таком даже мечтать не мог! Это же Шанс! Шанс с большой буквы, слышишь меня?

Глава 8

ОКСАНА

Часы показывают половину шестого вечера, когда в дверь раздается звонок.

Поправляю перед зеркалом заколотые в пучок светлые волосы и быстрым внимательным взглядом окидываю свой внешний вид. Длинный свитер крупной вязки, лосины и теплые носки. Убеждаюсь, что выгляжу нормально и, обтерев об одежду вдруг моментально ставшие влажными ладони – и чего занервничала? – отпираю замок.

– Привет, Окси! А вот и мы, – весело заявляет сосед.

К счастью, в этот раз он стоит передо мной полностью одетый. Светло-серые спортивные штаны, белая футболка. На ногах сланцы. И не один, а в компании очаровательной незнакомки.

Маленькая симпатичная стесняшка в ярко-розовом платье с белыми воланами на пышной юбке и в красивых золотистых туфельках прячется за его ногой.

На секундочку темноволосая макушка появляется в зоне видимости, и я залипаю на два задорных каштановых хвостика, сцепленных на макушке яркими резинками с бабочками. Смешная такая.

А еще очень маленького роста.

Она настолько крохотная, что спокойно пройдет под сто-

лом, даже не наклоняя головы. Зато ладошки хваткие.

Девчушка так основательно тянет за штанину домашних брюк Павла, что того гляди стащит их вниз и устроит мне бесплатный стриптиз.

Не то, чтоб я сильно возражала против эротического шоу. Почти свободной женщине поглазеть на красивое мужское тело – вовсе не грех. Да и соседу, судя по вчерашнему голому торсу, стесняться нечего. Но не при ребенке точно, раз, и не в свете будущих, надеюсь, дружеских соседских отношений, два...

Потому убеждаюсь, что шнурок с задачей удержания штанов на пятой точке соседа справляется ответственно, и шире распахиваю дверь.

– Привет-привет, соседи. Прошу, проходите, – приглашаю парочку в квартиру. Дожидаюсь, когда они переступят порог и демонстративно заглядываю им за спины. – А с вами больше никого не будет?

– Нет. А тебе нас мало?

Белозубая улыбка Павла сто процентов старается сразить меня наповал своим очарованием, но я решаю не сражаться, а оставаться стойкой.

– Не то, чтобы мало... просто уточняю, сколько чашек нужно доставать? – выкручиваюсь, запирая дверь.

Но удивление внутри нарастает. Все же одну взрослую девушку, точнее, женщину – мать девочки, сегодня увидеть я ожидала. Занята? На работе? Зайдет позже?

– Две чашки будет достаточно, Окси.

И всё.

– Окей. Договорились.

Решаю не спорить и отодвигаю вопросы на потом, а заодно мысленно закрываю глаза на очередную трансформацию моего имени. Столько их уже было – не счесть, одни мои родители с их буйной фантазией чего стоят.

Присаживаюсь на корточки.

– Привет, красивая девочка. Давай с тобой знакомиться, – обращаюсь к малышке.

Та замирает пугливой мышкой и будто не дышит. Удар сердца, другой, собираюсь подняться – настаивать и навязываться ребенку считаю неправильным, – но она все же решается. Делает небольшой шажочек, выступая из-за мужских ног, и с любопытством поглядывает на меня.

Правда, попытки подойти ближе не предпринимает.

– Как тебя зовут? – улыбаюсь ей, с интересом разглядывая круглое личико, темные густые реснички и очаровательные до невозможности зеленые глаза.

– Это Ника, – представляет кроху Павел, кончиками пальцев касаясь ее выующихся волос.

– Ника? Значит, Вероника? – ловлю взмах детских ресниц и твердое соседское «да» над головой, киваю. – Очень приятно. А я Оксана.

Протягиваю малышке руку ладонью вверх. Внутри зреет уверенность, что она в любом случае не станет меня касать-

ся. Судя по всему, посторонних не особо жалует, что вполне естественно – маленькая же совсем.

Но девочка удивляет. Сокращает расстояние и кладет свою ладошку поверх моей.

– Ты ей понравилась, – комментирует происходящее Павел.

Поднимаю на него взгляд, кивком благодарю за подсказку и тепло улыбаюсь стесняшке:

– Я рада, Ника. Ты мне тоже очень понравилась.

Малышка серьезно обдумывает мои слова, а потом, решившись, вытаскивает из подмышки ранее запрятанную там игрушку и, внимательно отслеживая мою реакцию, показывает мне. Большой тощий белый заяц вызывает широкую улыбку и удивление. У него такие длиннющие уши, что ухвати их за концы, и игрушка в росте обгонит маленькую хозяйку.

– Ух-ты, какой красавчик! А это кто? Твой друг? – наигранно удивляюсь.

И получаю в подарок первую робкую улыбку и детский ответ:

– Да. Я-я.

– Я-я? – смотрю на девочку, потом на Павла, прося у последнего «помощи зала».

И легко ее получаю:

– Да. Это наш обожаемый заяц Я-я. Никуськин лучший друг, с которым она ни на час не расстанется. Правильно,

Ник?

Малышка задирает голову, смотрит на парня и серьезно ему кивает. Потом смотрит на меня и кивает еще раз.

– Вот! – добавляет сосед с умным видом и непередаваемой гордостью, отчего я едва не прыскаю.

– Что ж, Ника, Паша и Я-я, приглашаю вас троих за стол. Будем пить чай.

На кухне гости занимают угловой диван, а я с облегчением выдыхаю, что у меня именно он. Были б табуретки, как у мамы, с размещением маленькой гостьи возникли бы проблемы.

Станным образом этот факт царапает что-то внутри. Девчушка такая милая, что мне очень хочется, чтобы ей было комфортно.

– Оксан, мы с печеньем к тебе пришли, – Павел выкладывает на стол картонную коробку, которую я как-то упустила из виду.

Хватает одного взгляда, чтобы понять – вещь не магазинная, а штучная.

Последующая фраза все объясняет.

– Извини, что так скромненько. Я б и торт без проблем купил, но Никуськин увидит, тоже захочет попробовать. А ей еще рано взрослые сладости и огорчать не хочется. Банановое же печенье мы специально в детской кондитерке заказываем. Она его обожает. Надеюсь, тебе тоже понравится.

– Не сомневаюсь, что понравится, Паш, – заверяю соседа.

В этот момент он таким ответственным и переживающим за свою роднульку выглядит, не то что вчерашний раздолбай-пацанчик, что проникаюсь к нему и теплотой, и уважением, и даже завистью.

А заодно снова теряюсь: он — отец или нет?

Глава 9

ОКСАНА

– Предлагаю для начала нормально познакомиться, – произносит Павел некоторое время спустя, когда я перестаю кружить по кухне беспокойной мухой и приземляюсь на торцевую часть дивана.

Ника вместе с зайцем таким образом оказываются в центре, а мы с соседом по бокам. Но, самое удивительное, все четверо без чая. Игрушечному зверьку, понятное дело, жидкости не надо, и, к счастью, маленькая скромняшка на обратном не настаивает. Себе она выбирает компот из сухофруктов, сваренный мною пару часов назад. К моему облегчению, в запасах сушилки чудом удается отыскать пластмассовую кружку.

Павел просит сварить ему кофе. Черный. Без сахара, но с молоком. Я присоединяюсь к его выбору. Правда, последние добавки использую с точностью до наоборот.

– Что ты имеешь ввиду под «нормально»? – уточняю у него, с улыбкой принимая из руки Ники печенье.

Маленькая хозяйшшка оказывается малоразговорчивой, но очень деятельной и щедрой натурой. Угощает и Павла, и меня, и себя, и даже своего ушастого друга, что-то тихонько ему мурлыкая. При этом так и остается сидеть на том месте, куда ее посадили. Не носится, не визжит, не канючит, требуя

к себе повышенного внимания или чего-то невозможного.

Бог ты мой, разве такие дети существуют?

Или это фантастика?

– Мне дико неудобно из-за нашего первого раза. Хочу его исправить, – выдает сосед, лукаво улыбаясь.

Эх, и любит же он кидать двузначные фразочки, заставляющие краснеть щеки. Но в диалог с ним с удовольствием вступаю.

– А как же Коко Шанель и ее крылатая фраза: «У вас никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление»? – приподнимаю бровь.

– В этом плане я с ней солидарен, – и ухом не ведет. – Но, согласись, Ксюх, цельный образ строится, не только опираясь на первое впечатление, он создается из мелочей. И не одномоментно, а накапливается постепенно. Паззл за паззлом, деталь за деталью.

Искры в глазах соседа подталкивают согласиться.

И я почти это делаю, но тут он снова жжет.

– У Шанель вообще много крылатых фраз. Ринка, моя двоюродная сестрица, обожает их цитировать. Знаешь, какая ее любимая? – Павел дожидается моего отрицательного ответа и, на секунду задумавшись и пощелкав пальцами, с серьезным видом произносит. – Не люблю длинных пиджаков – при разговоре с женщиной я не вижу, как он ко мне относится.

– Ух-ты, – хмыкаю, – зажигательная откровенность.

Особенно, если эту фразу медленно прокрутить в голове пару-тройку раз и представить ситуативно.

– О, это еще не самое жуткое, – отмахивается он, не скрывая ухмылки. – Потому что цитаты Раневской Ринка тоже обожает. А ее страничка в соцсетях целиком и полностью усеяна подобными этим глубокомысленными статусами.

На некоторое время мы прерываем наш затейливый разговор. Ника протягивает руку и касается моих пальцев. Аккуратно, едва их задевая.

– Что, моя хорошая? – интересуюсь у нее, слегка наклоняясь вперед.

Она такая необычная и милая, что без улыбки смотреть не получается. Да и вообще не смотреть не получается. Неизбежно ловлю себя в моменте, что тянусь к ней взглядом. Как к магнетику.

– Пи...

Маленький пальчик указывает на пластмассовую чашку, стоящую на столе.

– Пить хочешь?

Кивает.

– Я могу тебе помочь?

Снова кивает.

Перевожу взгляд на Павла, наблюдающего за нами, и ловлю его веселое:

– Я ж говорил, что ты Никуське понравилась, Ксюш. Хотя удивлен, честно. Она у нас еще та привередливая дама. Чу-

жачек не переваривает. Мы пять нянек сменили, прежде чем она согласилась с одной из них оставаться, пока я в универе. Да, конфетка?

Конфетка не комментирует. Но доверчиво припадает пухлыми губками к краю чашки и старательно пытается делать глотки.

Помогаю, придерживаю, вытираю подбородок салфетками. А когда убеждаюсь, что напилась, интересуюсь:

– Ника, а печенье где? Уже съела?

Девочка отрицательно мотает головой и указывает на зайца.

– Я-я.

– Я-я съел? – прячу улыбку, разыгрывая удивление.

Серьезно кивает, но хитрые глазки внимательно за мной следят.

Ну раз так.

– Неудивительно, что Я-я всё съел, – размышляю вслух. – Печенье было очень вкусным. Спасибо, Никусь, что угостила.

Малышка, довольная похвалой или интонацией, приваливается к боку родственника и, подтащив к себе на колени зайца, увлекается возней с его ушами. А Павел возвращает нас к началу разговора.

– Давай снова знакомиться, Окс, – говорит он серьезным тоном. – Павел Звягинцев, двадцать два года, студент экономического университета. В этом году выпускаюсь. Родился

в этом городе. В этом доме живу почти два года, с того времени как Ника родилась, – на этой фразе сосед протягивает руку для пожатия. Я жму. А он продолжает дальше. – А это Вероника Звягинцева, – обнимает лапочку с двумя хвостиками. – Самая красивая девочка на свете, которой через пару месяцев исполнится два года. Да, конфетка моя?

Павел показывает малышке два пальца, и та с улыбкой жест повторяет.

– Два, – говорит и демонстрирует мне.

– Рада с вами познакомиться, соседи Звягинцевы, – про-
изношу совершенно искренне и представляюсь сама. – А я – Оксана Антипенко, двадцать пять лет. Университет уже закончила. По образованию учитель начальных классов, но сейчас уволилась и работаю в другом направлении. Квартира мне досталась в наследство от бабушки. Вот решила перебраться.

– А до этого с родителями жила?

Вопрос вполне закономерный, но я слегка подвисаю.

– Э-э-э... нет. На съемной с мужем.

– Так ты замужем? – хмурится Павел.

Секунду или две смотрю на него в упор, кусая губу, а затем сама не понимаю: с чего вдруг решаю поделиться сокровенным – чужие же люди! – но приглушаю голос, подаюсь вперед и поясняю:

– Официально, да, еще замужем. Но, если повезет, то через неделю стану разведенной.

– Если повезет? – переспрашивает сосед, копируя и мой тон, и мое поведение.

– Ага. Мой почти бывший муж решил нанять себе адвоката, Звягинцева А.А. Так вот, если тот согласится, то крови моей они попьют и процесс затянут... но я верю в лучшее.

– Звягинцев А.А.? – переспрашивает Павел странно сиплым голосом и разглядывает меня с каким-то новым интересом.

– Да, – киваю. – Ваш однофамилец, представляешь?

– Очень даже, – соглашается он с ухмылкой, но я пропускаю этот момент мимо ушей, потому что спешу поинтересоваться тем, о чем не слышала.

– Паш, а мама Ники где? Ты как-то ее упустил из виду? Или... Если не хочешь не говори, я не настаиваю, просто...

– Не упустил, Ксю, – произносит он, сверкая глазами. – Нет её. Нет и не было никогда.

– Что? Но как?

– А вот так! Отказалась она от дочки. Бросила еще в род-доме.

Ах ты ж ё-ё-ё... кукушка драная!

И столько гневных слов внутри рождается, совсем не литературных.

Глава 10

ОКСАНА

– Обалдеть, это ты в двадцать лет отцом стал?

Очередной мой вопрос совпадает с пришедшим на телефон Звягинцева сообщением. Извинившись, он отвлекается, чтобы прочитать его и вбить ответ, а когда пару минут спустя освобождается, с серьезным видом уточняет:

– Разве плохо быть молодым отцом?

– Нет. Но обычно парни бегут от ответственности.

И я нисколько не преувеличиваю. Двадцать лет – пик активности. В крови разгул гормонов, в ушах свист свободы и вряд ли хоть одна серьезная мысль о будущем в голове. А дети вообще за гранью фантастики.

– С Никой был не тот случай, – отвечает он твердо и больше ни слова не добавляет. Так, что гашу любопытство и спешу сменить тему на более легкую.

Да хотя бы поговорить про учебу.

Но и та оказывается для Павла важной.

– Нет, Окси, я не штаны в универе просиживаю, а учусь. И такое, прикинь, бывает, – заверяет он со смешком, когда я подкалываю про последний выпускной год и лень.

А следом рассказывает, что проходит практику на одном из градообразующих предприятий города, куда уже летом вернется молодым специалистом – даже вакантное место для

него имеется, и дипломный проект он пишет самостоятельно, а не ждет заказ по интернету.

– Да ты крут, студент!

– Разве ты не поняла это с первого взгляда? – играет бровями.

Усмехнувшись, уточняю:

– Считаешь, должна была это сделать после твоей реплики: «На следующей неделе дашь»?

– Прости, – немного тушуетсся, растирая лоб, – это всё наш дурацкий спор с Борькой. В общем, не бери в голову.

– Договорились, уже забыла, – соглашаюсь покладисто.

И тут же слышу:

– Но если вдруг передумаешь, я не откажусь...

Вот же донжуан! Молодой, да ранний!

Гости покидают мою квартиру спустя час, когда телефон Павла начинает дымиться. На него один за другим сыплются звонки. Некоторые из них он сбрасывает, на два отвечает, но оба раза говорит кратко. Да, нет, окей.

Подозреваю, мое присутствие весомо ограничивает его словарный запас, но уходить в комнату, чтобы дать ему уединенно поболтать, не спешу. Все-таки я у себя дома, да и маленькая гостя щедро делится со мной своей единственной игрушкой, позволяя рассмотреть ее поближе.

– Пока, – Ника от души намахивает мне ручкой и с усердием кивает на предложение заходить в гости, когда стоим на площадке, а потом, явно поддавшись порыву, возвраща-

ется и обнимает за ноги.

С затаенной нежностью касаюсь ее темных волос, таких шелковистых, каких у меня никогда не было, и запираю собственную дверь лишь тогда, когда закрывается дверь соседей.

Немного постояв у зеркала в прихожей, возвращаюсь на кухню и неторопливо перебиваю немногочисленную грязную посуду. Следом смахиваю крошки с велюрового сидения, – грызя печенюшки, зайчик Я-я был не особо аккуратен, – и всё время улыбаюсь. Ника покорила своим дружелюбием и непосредственностью с первого взгляда.

Не то чтоб я не любила детей – все же в педагогический поступала не с большого бодуна, а по собственному желанию. Но любить детей абстрактно – это одно. А так сходу проникаться симпатией к одной конкретной малоговорящей кнопке – совсем другое.

У меня невероятнейшим образом это вышло. Без каких-либо усилий.

Телефон в ладони вспыхивает сообщением. Мама отчитывается, что уже дома и жарит папе котлеты. Чуть позже планирует готовить в мультиварке плов. Приглашает завтра заехать к ним на ужин.

Обещаю подумать. Плов я люблю, а не стоять у плиты – люблю еще больше.

Окинув беглым взглядом кухню, делаю шаг, чтобы ее покинуть, но торможу возле календаря. До нового года оста-

ся чуть больше трех недель. Кажется, времени еще – вагон и маленькая тележка, но с вариантом выбора подарком – не так уж и много.

– Надо будет обдумать, – делаю пометку в голове.

И тут раздается звонок в дверь.

Первая мысль: ребята что-то забыли, вот и вернулись. Вторая: Никуся захотела забрать коробку с парой печенек, которые остались у меня.

Усмехнувшись, иду открывать. То, что это могут быть не они, почему-то не думается. Отпираю замки, распахиваю дверь и с изумлением смотрю на незваного гостя.

Казаков собственной персоной.

– А вот и моя непогрешимая женушка, – выдает почти бывший, слегка растягивая гласные. – При-и-иве-е-ет.

– Ты пьян? – оцениваю его дикцию и внешний вид.

Глаза блестят, щеки красные. Шапка сдвинута на затылок, куртка расстегнута, спортивная кофта под ней расстегнута, рубаша под ней тоже расстегнута. И только футболка нет. Ей никак. Пуговицы отсутствуют.

– Трезв, как стеклышко, – заявляет мне многослойная капуста.

– А если еще подумать?

– Пф-ф-ф... писярик не в счет, Ксюх. С тобой иначе сложно разговаривать, – заявляет Казаков глубокомысленно и подается всем корпусом вперед. – Пустишь?

– Нет, – складываю руки на груди и прислоняюсь плечом

к коску, а ногой подпираю дверь, закрывая проход. – Зачем пришел?

– Я тебя люблю.

Шумно выдыхаю и морщусь.

– Попытка не засчитана.

– Соскучился.

– Ложь.

– Оксан, мы муж и жена.

– До конца недели.

– Черт! Какая ты тугая.

Слава богу, дошло.

– Пока, Миша, – машу рукой и начинаю закрывать дверь.

– Стой! погоди! – тормозит мою попытку. – Я пришел договариваться.

– Договариваться?

Хмурю брови.

– Да. Я согласен. Я дам тебе развод, добровольно, но только в следующем году. Даже адвоката своего крутого отзову, обещаю, Ксюх.

– И что взамен? – проявляю любопытство. Не то, чтоб вот так сходу собралась соглашаться, но до чего еще успел додуматься Миша, очень уж интересно послушать.

– Мне временная регистрация нужна. На год. А лучше два... с половиной. Я на новую работу собираюсь устраиваться.

– А прежняя чем плоха стала? – растягиваю губы в улыб-

ке.

– Уволился.

Стягивает шапку и чешет макушку.

– Сам?

– Да. Там... в общем, проблемы. Я понял, что был неправ, когда тебе изменил, и всё высказал заведующей. Сказал, что расстаемся. Ты мне важнее. А она, меркантильная стерва, велела писать заявление по собственному.

Боже, какой же брехун. Сказочник семидесятого левела. Да это ему, а не мне надо детские книжки писать. Вон как ловко сочиняет.

– Бедненький, – цокаю языком. – Получается, ты сам свою любовницу бросил, а ее муж совсем не при делах? И переломать тебе ноги он не обещал?

– Откуда ты?.. Это ты ему рассказала?! – вспыхивает от недовольства.

– Не-не-не, Миша, меня в ваши игрища не приплетай. Не надо, –ставляю руку и машу перед его носом указательным пальцем. – Я к вашей песочнице никакого отношения не имею. А знаю откуда... так из-за вашего дружного коллектива. Любящего дружно разносить сплетни. Вот и до меня они докатились.

– Оксан, да не слушай ты их. Я...

– Тебе пора, почти бывший муж, – заявляю твердо.

– А прописка?

– А с пропиской сам решай. Сам-сам-сам... – развожу

руками, после чего, ловко оттолкнув наглеца, захлопываю дверь.

Хватило же совести припереться?! Договариваться он пришел. Обалдеть, не встать. Дайте, пожалуйста, попить... А то так кушать хочется, что даже переночевать негде.

Глава 11

ОКСАНА

– Ксюх, и как? На луну выть не хочется? Все-таки вы с Мишаней год вместе прожили, а теперь развод, и ты одна остаешься? – интересуется Жамнова, одна из тех подружек, кто рано выскочил замуж, к счастью, удачно и с головой утонул в браке и семейной жизни.

– Девять месяцев, Тань. До года мы не дотянули, – укорачиваю срок «любви» до правдивого и обвожу взглядом небольшое кафе, где мы решили выпить по чашечке кофе.

Встреча вышла спонтанной. Как говорится, ничто не предвещало, но мы одновременно пришли за посылками в пункт выдачи заказов известного маркетплейса и, естественно, зацепились языками.

Учитывая, что сто лет не виделись, как начали болтать в очереди, так, болтая, и вывалились на улицу. Пять минут разговора перешли в десять, потом в пятнадцать и точно бы перемахнули к получасу и дальше, но декабрьский мороз напомнил о себе подзамёрзшими задницами и коленками и загнал в теплое местечко.

– Да какая разница, Ксюх, девять или двенадцать месяцев? – экспрессивно взмахивает рукой Жамнова. – Главное, результат плачевный.

– Плачевный? – вскидываю бровь, утрачивая интерес к

изучению предновогоднего убранства общепита и сосредотачиваясь на подруге.

– Конечно, – произносит она с таким пылом, будто катастрофа всемирного масштаба надвигается, а не распад одной маленькой ячейки общества. – Как ты теперь одна будешь со всем справляться? Ни крепкого плеча под боком, на которое опереться можно, ни финансовой поддержки, если вдруг тебя уволят. Ни поговорить вечером за ужином, ни рулон туалетной бумаги из кладовки подать, ни трубу прочистить. Ужас ужасный!

Прыскаю и, зажмурившись, качаю головой.

– Про трубу, Танюш, сильно сказано. Я даже задумалась, какую конкретно прочистку ты имеешь ввиду.

Подруга хмурится, а когда соображает, что к чему, краснеет и фырчит:

– Вот ты дурочка похабная! Я вообще-то про хозяйство!

– Так и я фактически про него...

Играю бровями.

Переглядываемся. Ржем.

А отсмеявшись, я все же объясняю.

– Ты, моя дорогая, своего мужа с моим не сравнивай. Это твой Серега – мастер на все руки. А у моего верхние конечности из жопки растут. Жиденькие и к работе не приученные. По хозяйству Мишаня – ноль без палочки или лузер обыкновенный.

– Вот те раз, – не верит, – а как же летом на шашлыках у

Светки на даче? Казаков сам мне вдохновенно рассказывал, что своими руками собирается ремонт в квартире твоей бабушки делать... я уши развесила, а потом своему весь мозг чайной ложечкой выела, чтоб равнялся на крутыша.

– П-ф-ф, Таня, я тебя умоляю. Казаков – крутыш только в плане почесать языком. Заливать он мастер. Не зря ж в консультантах столько лет продержался. Там балаболы экстра-класса на вес золота.

– Получается, развод? И ни одного шанса отыграть назад?

– Ни одного. Потому что не хочу.

– И не боишься?

– Жду, не дождусь.

– «Стерпится – слюбится» – точно не про тебя?

– Не-а, не про меня. Я считаю, что от отношений нужно испытывать такие эмоции, будто из банкомата деньги получаешь, а не кредит выплачиваешь.

Танюха смеется, а я опускаю чашку с почти допитым кофе на блюдце и отвлекаюсь на входящий звонок.

– Да, слушаю, – говорю, принимая вызов.

– Ксюш, привет, это Паша.

– Привет, узнала.

Со Звягинцевым мы обменялись номерами еще в тот день, когда они с Никой приходили ко мне в гости – несколько дней назад. Так, по-соседски, на всякий случай. Вдруг понадобится зачем – трубу прорвет у соседей сверху, или наоборот, мы кого снизу сами затопим.

– А ты не дома? – улавливаю в голосе парня нервные нотки. – Я заходил, никто не открыл.

– Вышла по делам ненадолго. А что?

– Вот невезуха! Окси, у меня проблемка. Выручи, а? Пососедски. В универе внеплановую консультацию назначили, явка обязательна. Декан будет. А Никуську с собой тянуть – бред полнейший. И, как на зло, няня ее приболела.

С няней, Зоей Михайловной, кстати, познакомиться я успела. Встретились на детской площадке во дворе, когда мусор выносила. Я бы и внимания не обратила, а Вероника с радостным: «Сана!» от нее ко мне рванула и, как в день знакомства на лестничной площадке, обняла за ноги. Я с ними тогда больше часа прогуляла. Точнее, с Никой, которая взяла меня за руку и всюду таскала за собой – и на горку, и с горки, и к елке, и делать тракторные следы на снегу, и лепить снеговика.

– Тебе к какому часу надо, Паш? – уточняю, проверяя время.

– К четырем.

– А там сколько будешь?

– Час или два максимум, не считая дороги – по полчаса в один конец.

Итого три – три с половиной, прикидываю.

– Ладно, – выдыхаю, сама на себя поражаясь. – Через двадцать минут буду дома. Собери, если что Нике понадобится. Я ее к себе заберу.

– Ксюшечка – ты лучшая! Я тебя обожаю! С меня подарок.
И обнимашки. И целовашки. И...

– Угомонись, – смеюсь, – «спасибо» будет достаточно.

Глава 12

ОКСАНА

– Привет, красотулька! Привет, Паш! Проходите, пожалуйста, – шире распахиваю дверь, пропуская Звягинцевых в квартиру.

– Пи-вет, Сана!

Никуся в этот раз не прячется, а стоит с важным, немного сонным личиком впереди. И как только я с ней здороваюсь, расплывается в широкой улыбке и бросается вперед.

Смешная до умиления. Подмышкой справа зажат уже знакомый мне Я-я, в левой руке пакет, который практически волочится по полу. Но Вероника его не отпускает даже тогда, когда вваливается в прихожую, прилипает к моей ноге и крепко ее обнимает.

Бережливая растет. Всё своё ношу с собой.

Подмечаю интересную деталь.

– Кучава, – заявляет малышка с детской непосредственностью, задирая голову и заглядывая мне в глаза.

– Скучала? – переспрашиваю, поглаживая темноволосую макушку. – А знаешь, моя красивая девочка, я по тебе тоже.

– Павда?

– Да, правда, – произношу, согласно кивая, а прислушавшись к себе, понимаю, что совершенно точно так и есть.

Ни разу не соврала.

– Привет, Ксюнь, – здоровается Пашка, дождавшись паузы в нашем с малышкой общении. – У Ники в пакете игрушки. А здесь, – протягивает мне небольшую спортивную сумку. – Детские пюре в банках. Соки, печенье, каши. Я хотел ее сам накормить перед приходом к тебе, но она долго спала. Не успел.

– Не переживай, мы справимся. Да, Ник? – уточняю у крохи.

Все же мое видение происходящего – одно, а как всё обстоит в реале – уже другое. Вдруг суперсложный процесс? И она откажется?

Но девочка совершенно спокойно соглашается.

– Да.

– Вот видишь, всё будет хорошо. Поедим, – сообщаю Павлу, забирая сумку у него из рук и опуская на пуф. – Я же правильно понимаю, что инструкции по приготовлению на коробках и банках имеются?

– Да, конечно. Всё есть.

– Вот и отлично.

– Ты моя спасительница, Ксюш!

Ослепляет улыбкой в пятьсот ват и, протянув руку, поглаживает по предплечью. Спускается к кисти, цепляет пальцы...

– Брось, накладки у всех случаются, – отмахиваюсь и перевожу взгляд на девочку, которая так и стоит, прижавшись ко мне всем тельцем. – Главное, ответь, у Ники ни на что нет

аллергии?

– Э-э-э... – зависает Пашка, чем слегка удивляет. – Н-нет, кажется.

– Кажется?

Вздергиваю бровь.

Он отвечает или уточняет у меня?

– Ну-у-у... – смешно краснеет, вскидывая руку и почесывая макушку. – Я такого не припомню, если честно.

Если честно? Не припомнит?

Нормальный ответ.

Вот же чудо-папашка! Эх, мужики-мужики! Не зря говорят, что мы с ними с разных планет. Нам одно важно, а им совершенно иное.

– Паш, а если подумать?

– Да я ж думаю, – мнется.

– Окей, тогда давай иначе, – решаю пойти от обратного. – Я суп-пюре хотела сварить из картошки, морковки, лука, брокколи и сливок. Такое она ест?

– Э-э-э... ну да. Няня варит.

– Ну раз варит – отлично, – выдыхаю. – Беги уже, студент. Опоздаешь. И да. Телефон включен, зарядка полная. Если что, сразу наберу.

– Спасибо!

– Говорил уже.

Через минуту захлопываю за Звягинцевым старшим дверь, беру Звягинцеву младшую за руку и веду ее осматри-

вать квартиру, чтобы она знала, где и что у меня находится, и не боялась заблудиться. Хотя вряд ли это ей грозит. Тридцать три квадратных метра – не пара сотен. К тому же кладовка – одно название. В неё как вошел, так и вышел. А кухня, комната и санузел, как у всех.

– Никусь, а ты сказки любишь? – уточняю немного спустя, когда мы, вымыв в ванной комнате руки, располагаемся на кухне.

Малышка, забравшись на диван, усаживает рядом с собой зайца и без вопросов ждет, когда я открою коробку сока и перелью для нее в стакан.

– Да.

– Зоя Павловна, няня, тебе их читает?

– Угу, – кивает, отчего хвостики смешно колышутся.

– И папа?

– Папа аботает. Мого, – выдает чудо серьезным голосом. Не могу не улыбнуться.

Такая деловушка становится, когда про папу уточняю. Сразу видно, папина любимая доча и обожающая его. Пусть слова плохо выговаривает, но зато столько энергии и энтузиазма в глазах вспыхивает, когда его защищает, что завидуешь белой завистью. И себе такую же куколку хочешь, которая любит бескорыстно, нежно и всем сердцем.

– Папа много работает? Ну да. Он же учится, – соглашаюсь. А затем предлагаю. – А хочешь, пока будешь свою пирамидку строить, я тебе сказку про принцессу Морковку, си-

ньора Картофеля и хитрого обманщика Лука, который хотел их разлучить, расскажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.